

УДК 821.112.5
ББК 84(4Нид)
Г94

Robert van Gulik
THE CHINESE LAKE MURDERS

Перевела с английского
Наталья Кучеровская

Литературная обработка
Евгений Звягин

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Екатерина Скворцова

Гулик Р. ван

Г94 Убийство в цветочной лодке : [роман] / Роберт ван Гулик; [пер. с англ. Н. Кучеровской]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 480 с. — (Серия «Поднебесный детектив»).

ISBN 978-5-906986-94-8

Лицо утопленницы-куртизанки, глядящей вверх, сквозь неподвижную воду, страшная рана на лбу мертвого плотника, жуткий незнакомец, заглядывающий в окно комнаты новобрачных, — события минувшего дня круговоротом вращались в голове судьи Ди. Теперь следовало связать их воедино и найти таинственных преступников.

УДК 821.112.5
ББК 84(4Нид)

© Robert van Gulik Estate, 1960, 2018

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

978-5-906986-94-8

ООО «Издательство Аркадия», 2019

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Ди Жэньцзе — наместник Ханьюаня, округа на берегу озера, недалеко от столицы

Хун Лян — доверенный советник судьи Ди и старшина суда

Ма Жун и **Цзяо Тай** — доверенные помощники судьи Ди

Дао Гань — новый помощник судьи Ди

ЛИЦА, СВЯЗАННЫЕ С ДЕЛОМ УТОНУВШЕЙ КУРТИЗАНКИ

Хань Юнхань — богатый помещик

Пух Ивы — его дочь

Цветок Миндаля, Анемона, Цветок Персика — куртизанки из Квартала Ив

Ван — глава гильдии золотых дел мастеров

Пэн — глава гильдии серебряных дел мастеров

Су — глава гильдии резчиков по нефриту

Кан Бо — богатый торговец шелком

Кан Чун — его младший брат

ЛИЦА, СВЯЗАННЫЕ С ДЕЛОМ
ИСЧЕЗНУВШЕЙ НЕВЕСТЫ

Цзян Вэньцзян — доктор литературы

Цзян Хупяо — его сын, кандидат

Лю Фэйпо — богатый купец из столицы

Фея Луны — его дочь

Хуа — врач

Кун — торговец чаем

Мао Юань — плотник

Мао Лу — его племянник

ЛИЦА, СВЯЗАННЫЕ С ДЕЛОМ
РАСТОЧИТЕЛЬНОГО СОВЕТНИКА

Лян Мэнгуан — бывший императорский советник

Лян Фэн — племянник советника

Ван Ифань — торговый агент

ПРОЧИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мэн Цзи — глава императорской Тайной службы

ГЛАВА 1

ХВОРОЙ ЧИНОВНИК ПИШЕТ СВОЮ
СТРАННУЮ ИСПОВЕДЬ; СУДЬЯ ДИ ПОСЕЩАЕТ
ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ОБЕД НА ЦВЕТОЧНОЙ ЛОДКЕ

*У Небес в руке — нашей жизни свиток.
Где начало текста, а где конец?
И последняя ль эта из всех попыток?
И бежит ли вниз или вверх столбец?
А чиновник за алым столом, что правит
Суд законный, — лишь воли Небес сосуд,
Но не знанья Небес.
Пусть покой оставит —
И ему, и нам уготован Суд.*

Никто, я уверен, не решится назвать двадцать лет исправного служения нашему достославному императору Мин чересчур уж скромным

итогом жизни. Правда, мой покойный отец прослужил пятьдесят и умер, будучи членом Государственного совета, вскоре после своего семидесятилетия. Через три дня мне исполнится сорок лет, и я очень надеюсь, что еще до истечения этого срока Небеса позволят мне умереть.

В те редкие минуты, когда мое измученное сознание проясняется, я думаю о былом, об ушедших годах, и это единственное убежище для моих мятущихся дум.

Четыре года назад я получил повышение — мне вышел чин следователя Верховного суда — большая честь для чиновника тридцати пяти лет. Люди предрекали мне великое будущее. Как я гордился шикарным особняком, который отвели под мою должностную усадьбу, с каким удовольствием прогуливался по прекрасному саду, держа за руку свою милую дочь. Ей было всего четырнадцать лет, но она уже знала название любого цветка, на который я ей указывал.

Прошло всего лишь четыре года, а кажется — это было ужасно давно, как будто бы в прошлом моем воплощении. Теперь ты зловещей тенью

теснишь меня, заставляя содрогаться от страха, и я вынужден подчиняться. Неужто ревнуешь меня даже к этой короткой отсрочке пред пропастью небытия?

Разве я не исполнил всего, что ты мне приказала? Разве я в прошлом месяце, по возвращении из старинного городка Ханьюаня, расположенного на этом проклятом озере, не выбрал тотчас же благоприятную дату для свадьбы дочери и не выдал ее на прошлой неделе? Что же ты скажешь теперь? Чувства мои парализованы страшной болью — я плохо слышу тебя. Ты говоришь, что... что моя дочь должна узнать правду. Всемогущее Небо, неужели нет у тебя ни капельки жалости? Это знание разобьет ее сердце, раздавит ее...

Нет, не мучай меня больше, пожалуйста, я сделаю все, как ты скажешь, только избавь меня от мучительной боли... Да-да, я напишу.

Буду писать, как пишу уже каждую бессонную ночь, когда ты, безжалостный, неумолимый палач, стоишь надо мной. Ты говоришь, что другие тебя увидеть не могут. Но если уж смерть

коснулась несчастного, разве люди не могут прочесть приметы ее на его искаженном лице?

Каждый раз, когда я встречаю какую-нибудь из своих жен или наложниц в пустынных теперь коридорах, они торопливо отводят взгляд. Когда я неожиданно поднимаю глаза от бумаг в своем департаменте, я перехватываю взгляды писцов, которые смотрят на меня с пристальным изумлением. По тому, с какой торопливостью склоняются они над бумагами, я чувствую, что они тайком от меня сжимают в руках оберегающие их амулеты. Они, должно быть, почували, что по возвращении из поездки в Ханьюань я не просто заболел. Больного жалеют, но одержимого — сторонятся.

Они не ведают, что меня нужно лишь пожалеть, как жалеют приговоренного к нечеловеческой пытке — истязать себя собственной рукой, по велению палача обрекать себя на мучительную смерть, отрезая кусок за куском от своей трепещущей плоти. Каждое послание, что я написал, каждое шифрованное донесение, что я отправил за последние дни, отрезали кусок

моей живой плоти. Так что нити замысловатой паутины, которую я терпеливо плел для своей империи, были обрезаны одна за другой. Каждая обрезанная нить стоила еще одной несбывшейся надежды, лопнувшей иллюзии, неисполненной мечты. Теперь следы слез уже смыты — никто ничего не узнает.

Я даже уверен, что «Императорский вестник» обнародует в память обо мне некролог, со скорбью поминая меня как подававшего большие надежды молодого чиновника, которого постигла кончина после тяжелой и продолжительной болезни. Продолжительной, действительно продолжительной — я давно уже не человек, а труп.

Уже близок тот миг, когда палач вонзит свой острый меч в измученное сердце преступника, — милосердный удар, несущий избавление от страданий.

Почему же ты, о ужасная тень, настаиваешь на продолжении моих предсмертных мучений, ты, носящая кроткое имя цветка? Почему ты хочешь разорвать мое сердце на кусочки, заставляя

губить душу моей дочери? Она не совершала никаких преступлений, она никогда не знала... Да, я слышу тебя, мой ужас, представший в женском обличе, — ты говоришь, что я должен записать все — чтобы она узнала... Рассказать ей, как Небеса отказали мне в быстрой, мною самим избранной кончине и приговорили к медленной агонии в твоих жестоких руках.

Да, я поведаю дочери обо всем. О том, как встретил тебя на берегу озера, о той старой истории, которую ты мне рассказала. Но клянусь, если есть Небеса над нами, — моя дочь дарует прощение мне, предателю и убийце! Меня она простит, уверяю, — но не простит тебя. Потому что ты есть только ненависть, воплощенная ненависть, и ты исчезнешь вместе со мной, умрешь навсегда. Нет, не хватай теперь меня за руку, ты сказала: «Пиши», и я буду писать. Может быть, за это Небеса пощадят меня... да и тебя тоже. Впрочем, уже слишком поздно — я понял, чем ты являешься на самом деле, и знаю, что ты никогда не приходишь без приглашения. Ты облюбовываешь и пытаешь до смерти только

тех, кто сам вызвал тебя к жизни чередой своих темных дел.

Одно из которых и совершилось в тот раз.

Суд направил меня в Ханьюань расследовать запутанное дело о присвоении уездной казны; подозревали, что в этом были замешаны местные власти.

Ты должна помнить, что весна в тот год была ранняя. В теплом воздухе было растворено обещание чего-то прекрасного; в своем безрассудно-размягченном состоянии я даже подумывал о том, чтобы взять с собой в поездку дочь. Но это благодушное настроение вскоре прошло, и я взял вместо нее свою самую молодую наложницу по имени Хризантема.

Таким способом я надеялся восстановить мир в своей измученной душе, потому что Хризантема была некогда очень дорога мне. Когда же я прибыл в Ханьюань, то тотчас же понял, что это была пустая надежда. Та, которую я оставил за своей спиной, еще сильнее овладела мной, и я даже не мог заставить себя дотронуться до тонкой нежной руки Хризантемы.

Я предпринял отчаянные усилия, стремясь поскорее распутать порученное мне дело, дабы забытья в работе, и сумел раскрыть его за неделю. Преступником оказался столичный служащий, он сознался сам.

Последним вечером моего пребывания в Ханьюане местные власти в знак благодарности дали отличный обед в мою честь в живописном Квартале Ив, прославленном своими танцовщицами и певичками. Власти уезда были щедры в изъявлениях благодарности и восхищения тем, с какой быстротой я распутал досадный случай. Они говорили, что весьма сожалеют о том, что не могут мне показать, как танцует Цветок Миндаля — самая красивая и образованная танцовщица квартала.

К сожалению, эта девушка, названная в честь знаменитой красавицы прошлых лет, куда-то исчезла именно этим утром, исчезла совершенно необъяснимо. Если бы я только мог задержаться в городе еще на несколько дней, не скрывая сожаления, говорили они, я бы смог разгадать и этот таинственный случай.

Их лесть была приятна мне, и я выпил за столом несколько больше обычного. Когда поздней ночью я вернулся в свою роскошную гостиницу, в покои, предоставленные мне городским начальством, я пребывал в отличном настроении. Все будет прекрасно, думалось мне, я смогу развеять наваждение.

Хризантема ждала меня, она надела красивое платье персикового цвета, которое восхитительно облегалo ее молодую фигуру. Она смотрела на меня своими чудесными глазами, и я уже собирался обнять ее, как вдруг другая, заклятая, встала передо мной, и я не смог прикоснуться к Хризантеме.

Сильная дрожь сотрясла мое тело. Бормоча неловкие оправдания, я выбежал в сад. Я чувствовал, что задыхаюсь — мне хотелось больше воздуха. Но в саду было душно и жарко, и я отправился к озеру. На цыпочках прокрался мимо дремлющего привратника и вышел на пустынную улицу. Добравшись до озера, я долго смотрел на спокойную воду, а сердце мое погрузилось в глубокую пучину отчаяния.

Какая мне польза от моего тщательно разработанного плана? Как смогу я править людьми, если сам — не человек? Наконец я понял, что существует один-единственный выход. Как только я принял решение, душа моя успокоилась. Я ослабил завязки своего пурпурного одеяния и сдвинул высокую черную шапку со вспотевшего лба. Неторопливо прогуливаясь вдоль озера, я искал то место на берегу, где смог бы выполнить свое намерение. Кажется, я даже мурлыкал себе под нос какую-то песенку. И правда, не лучше ли вовремя покинуть изукрашенный зал, когда красные свечи еще не погасли и вино еще не остыло в золотых кубках? Я наслаждался красотой чарующего пейзажа: слева — купы миндальных деревьев, исходящих густым сладким запахом, справа — серебристая, освещенная луной гладь озера.

Я увидел ее за поворотом извилистой дорожки, бегущей вдоль озера. Она стояла на берегу, у самой воды, одетая в белые шелковые одежды, перехваченные зеленым поясом. Белая водяная лилия сияла в ее волосах. Когда она поверну-